

ОБСУЖДЕНИЕ СТАТЬИ Э. С. МАРКАРЯНА

С. А. Арутюнов

ОБЫЧАЙ, РИТУАЛ, ТРАДИЦИЯ

В статье Э. С. Маркаряна дана дефиниция традиции, но по существу без дефиниции остались два тесно связанных с традицией понятия — обычай и ритуал. Поскольку насчет них общепринятой договоренности пока нет, следует начать с их определения. На мой взгляд, под обычаем следует иметь в виду такие стереотипизированные формы поведения, которые связаны с деятельностью, имеющей практическое значение. Ритуал же объемлет только те формы поведения, которые являются чисто знаковыми и сами по себе практического значения не имеют, хотя и могут опосредованно быть использованы в практических целях (коммуникации, психотерапии и др.). Так, например, в одежде современных европейцев жакет у мужчин застегивается направо, а у женщин — налево. Это обычай, ибо в практических целях как-то застегивать жакет необходимо. А вот надевание шапочек и мантий судьями и студентами в определенных ситуациях — это ритуал, ибо практическими потребностями он никак не обусловлен. Или же в традиционной армянской культуре жертвоприношение «матаг» является обычаем, оформляющим один из способов потребления мяса, а обязательный при этом надрез уха у жертвы составляет часть соответствующего ритуала и т. д.

Предложенное Э. С. Маркаряном определение традиции настолько широко, что совпадает с подавляющей частью общего объема культуры, и это ущемляет его операциональность. За его пределами по существу остаются лишь формы личностной, индивидуальной культуры. Происходит это потому, что Э. С. Маркарян не находит оснований отделять от традиции кодифицированную часть культуры. На мой взгляд, понятие традиции целесообразно ограничить лишь той частью культуры, которая более или менее постоянно воспроизводится в общественном сознании и общественном поведении и передается через последнее, и не включать сюда ту часть культуры, которая экстериоризирована в хранилищах информации типа книг, картин, перфокарт и извлекается оттуда лишь по мере надобности. Само собой разумеется, что непроходимой грани между этими двумя разделами культуры нет, как нет ее почти ни в чем в культуре и природе: афоризмы А. С. Грибоедова входят в традицию русского народа, так как их употребляют и воспринимают даже те, кто не читал его великой пьесы, но стихи многих малоизвестных поэтов, интересующие ныне лишь историка литературы, в эту традицию не входят. Не входят в традицию юридический прецедент или статья закона, которые отдельный адвокат может откопать и использовать лишь раз в десятилетие или реже, но положения воинского устава об отдаче чести и ношении формы, хотя и зафиксированы в статьях, все же входят в традицию, ибо

Отсюда следует, между прочим, что традиция включает все обычаи, но не все ритуалы, так как часть их, зафиксированная в протоколе, может воспроизводиться лишь по особым случаям. Так, например, коронавание последнего принца Уэльского или похороны императора Мэйдзи отражали давно ушедшие из жизни и воскрешенные по разным источникам специально для этих случаев традиции. Так что не всегда традиционно то, что «традиционно» выглядит. И еще один вывод: если в первобытном обществе почти вся культура действительно традиционна, то чем развитее общество, чем выше в нем степень экстериоризации культуры, тем ниже уровень его традиционности, хотя емкость его памяти при этом повышается. Вывод вроде бы и тривиальный, но, только исходя из определения Э. С. Маркаряна, к нему прийти нельзя.

Э. С. Маркарян бесспорно прав в том, что любая традиция была когда-то инновацией, любая инновация в принципе имеет шанс стать традицией и именно в способности усваивать инновации и заключается живучесть, адаптивная лабильность традиции. Следует только различать инновации эволюционные, вводящиеся постепенно и незаметно, и революционные, будь то путем изобретения или заимствования, которые способны привести к разрыву со старой традицией и к основанию новой.

Существенное значение, на мой взгляд, имеет определение времени, потребного для превращения инновации в традицию. Оно, по-видимому, зависит от цикличности функционирования группы, в которой традиция укореняется. Для максимального случая, т. е. этноса в целом, такая цикличность определяется жизнью поколения, и инновация не может полностью обратиться в традицию, пока живет поколение, выросшее в лоне иной традиции, или пока воспоминание о былой традиции живо в коллективной памяти этноса. Это значит, что для установления общественной традиции необходим срок не менее полувека, а может быть, и значительно больше. В малых коллективах типа учебных заведений или войсковых частей, цикличность действия и смена состава которых исчисляется лишь годами, полное укоренение традиции может осуществиться всего за несколько лет.

Принципиальное различие между традиционалистскими обществами доиндустриальной эпохи и современными обществами заключается, по-видимому, не в том, что в современном обществе одновременно действует ряд разнородных традиций. Разнородные традиции сосуществовали и в далеком прошлом, отражая классовые, сословные, кастовые и прочие деления общества (например, традиции феодальные и крестьянские). Различие состоит в том, что если ранее для кардинальных изменений в технологии производства и жизнеобеспечения требовалось время жизни нескольких поколений, то ныне такие изменения могут произойти и происходят несколько раз в пределах жизни одного поколения.

Этническая традиция, изменяющаяся гораздо медленнее, в таких условиях может определять лишь ту часть культуры, которая сравнительно мало зависит от изменений в технологии производства: например, определенную предпочтительность тех или иных занятий и вообще стержневую часть системы ценностных ориентаций; многие ценности семейного быта; язык и метаязыковые формы коммуникаций; автостереотипы и стереотипы межэтнических отношений; значительную часть музыкально-хореографической, орнаментальной и вообще народно-художественной традиции; домашнюю кулинарию; навыки организации пространства (так называемую проксемику); бытовую обрядность и т. д.

Групповая традиция, изменяющаяся быстро и легко, мало что может решить в этом плане, так как масштаб групп, которые она обслуживает, несоизмерим с масштабом технологических изменений и их последствий. В этих условиях значительная часть традиций заменяется эпохальной

модой, действующей на протяжении ряда лет или даже десятилетий. Эта мода актуальна для некоторого ряда смежных когорт, которые в быту условно называются, скажем, «поколением таких-то годов», но на самом деле меньше, чем поколение. Такая большая когорта может сменить свою моду по мере своего взросления, может пронести привязанность к ней через всю жизнь, но в любом случае сохраняются межкогортные различия в ориентациях и формах поведения, лежащих за пределами общечеловеческой традиции.

В пресловутом «конфликте отцов и детей» чаще всего «детей» обвиняют в отказе от традиций «отцов», и чаще всего несправедливо: традиции они продолжают те же самые, но следуют другой моде.

Помимо этнических традиций, в еще более широком плане существуют традиции регионально-эпохальные. При этом, если применительно к моде масштаб эпохи — это годы, максимум десятилетия, то эпоха традиции охватывает столетия. В этом смысле можно говорить о традициях эпохи Ренессанса, первоначального накопления, Великих географических открытий и т. д. Разумеется, традиции, характерные для этих эпох, охватывали не все население региона (в данном случае Европы), но так или иначе оказывали свое воздействие в данном регионе решительно на всех. На протяжении двух последних веков одной из важнейших традиций такого рода была все более широко распространяющаяся традиция ориентации на урбанизацию и индустриализацию всех сторон жизни, охватывающих как производство, так и потребление. В то же время не исключено, что в обозримом будущем для решения комплекса встающих перед человечеством проблем (энергетических, продовольственных, проблем охраны окружающей среды и др.) в ряде регионов мира необходимо будет перейти к политике определенной дезиндустриализации и дезурбанизации, как в сфере производства, так и еще более в сфере потребления и жизнеобеспечения; потребуются отход от традиций ориентации на экспоненциальный рост потребления энергии и сырья и ряда других традиций сходного порядка. Безусловно, эти традиции присущи прежде всего буржуазному обществу, пресловутому «обществу потребления», но очевидно также, что они, с одной стороны, имеют тенденцию к распространению в развивающихся странах, с другой — не изживаются автоматически с победой социализма. Поэтому проблема прогнозирования развития традиций и управления этим развитием, поставленная в статье Э. С. Маркаряна, представляется весьма актуальной.

К. С. Сарингулян

О РЕГУЛЯТИВНЫХ АСПЕКТАХ КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Способности культуры к репродуцированию своих собственных уже сложившихся форм и к продуцированию новых форм, соответственно изменяющимся условиям жизнедеятельности людей, являются базовыми характеристиками культуры как таковой. Именно благодаря сбалансированному единству этих характеристик культура выполняет главное, сущностное свое предназначение — служить способом (системой средств и механизмов) специфически человеческой адаптации к действительности. Воплощая в себе репродуктивное начало культуры, культурная традиция включена тем самым в осуществление этой ее генеральной адаптивной функции. Традиция обеспечивает один из существенных моментов такой адаптации — момент стабилизации сложившихся в рамках той или иной человеческой общности форм социальной практики. Согласно точке